

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИРАНА И ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ НЕФТЯНОЙ ПОЛИТИКИ

О нефтяном компоненте отношений Европа-Иран

Достаточно посмотреть на карту, чтобы представить, какое ключевое географическое положение занимает Исламская Республика Иран (ИРИ) в Передней Азии. Республика Армения, Азербайджанская Республика, Турция, Ирак, Афганистан, Пакистан – вот список государств, с которыми непосредственно граничит Иран. С севера он омывается Каспийским морем, а с юга – Персидскими и Оманскими заливами, обеспечивающими выход Ирана к морским артериям, стратегическое значение которых вне всякого сомнения. Однако геостратегическое значение ИРИ не обусловлено только ее географическим положением. Страна обладает большими природными ресурсами. Железная руда, свинец, медь, уголь, марганец, цинк – это далеко не полный перечень названий полезных ископаемых, которые Иран может предложить другим странам. Но наиболее значимым ресурсом Ирана с геополитической точки зрения является нефть, которая представляет фактор, существенно влияющий не только на его внешнюю политику, но и на политику других стран в отношении Ирана. В этой взаимосвязи и необходимо рассматривать отношения Ирана с главными акторами современной международной политики и, разумеется, с Европой.

Особая роль нефти и газа в современных международных отношениях не требует обстоятельных обоснований. Достаточно отметить, что нефть остается главным источником энергии для мировой экономики и что она является исходным сырьем для получения множества важных для экономики и пока не имеющих заменителей продуктов.

Рост значения нефти как именно политического фактора в межгосударственных отношениях шел параллельно росту промышленного сектора мирового хозяйства. Уже в начале двадцатого столетия в европейских политических кругах было осознано то значение, которое приобретет нефть в качестве политического инструмента в грядущих событиях. На поведение европейских держав в нефтяной политике проливает свет то обстоятельство, что подавляющая их часть лишена собственных нефтяных месторождений. То же самое касается и США. Известно, что эта крупнейшая в экономическом плане держава самодостаточна по всем видам энергоносителей, за исключением нефти. В условиях роста энергопотребления США неуклонно увеличивают импорт нефти. Значение нефти и нефтепродуктов в мировом промышленном производстве и привело к сознанию того, что в глобальных политических и экономических процессах с нефтью объективно связан фактор, который и получил название “нефтяной фактор”. Говоря

о нефтяном факторе нельзя свести его к сфере сугубо нефтедобычи, переработке и сбыту нефти. Нефть ранжирует целый спектр экономических, политических (внутренних и внешних), социальных отношений. Наличие всех этих аспектов нефтяного фактора определяет сложность и неоднозначность этого понятия. Действительность нефтяного фактора очевидна. Его проявления можно обнаружить во всех значимых событиях мирового развития двадцатого столетия.

И не случайно, что страны, обладающие нефтяными ресурсами, стали объектами пристального политического интереса европейских стран, первыми вставших на путь промышленного развития.

Первой европейской державой, вступившей в политические и экономические отношения с Ираном "на сугубо нефтяной почве", была Англия. В 1909 году "Англо-персидская нефтяная компания" стала называться Бритиш Петролеум. Активная и успешная экономическая деятельность, развернутая Бритиш Петролеум, позволила ей уже в 60-ые годы стать одной из крупнейших нефтяных компаний мира, оказавшей существенное влияние на глобальную политику в области нефтяной и нефтехимической промышленности. К 1989 году Бритиш Петролеум вошла в тройку самых крупных по величине нефтяных компаний и поднялась на девятое место в списке крупнейших мировых компаний. Понятно, что уже с первых лет своего существования такой нефтяной гигант не мог заниматься исключительно хозяйственной деятельностью в Иране. Экономика и политика связаны нераздельно, и Бритиш Петролеум во всей истории своего восхождения пришлось заниматься политикой не только экономического толка, защищая интересы государства, которое компания представляла. Это касается и других компаний – шведских, американских и т.д. Экономические и политические отношения между Европой и Ираном, взлеты и падения, зигзаги этих отношений в прямом отражении или в преломлении обнаруживали себя, в первую очередь, в деятельности нефтяных компаний. Так что, экономическая составляющая политических отношений Европа-Иран в минувшем столетии была связана главным образом с нефтью. Сама политическая история Ирана начиная с появления здесь первой англо-персидской компании не может быть понята адекватно без "нефтяного контекста". При этом приходится считаться с тем, что отношения Ирана и Европы складываются в более широком геополитическом пространстве, где они являются самостоятельными игроками большой "нефтяной (скорее – нефтегазовой) игры". Отсюда и понятны постоянные ссылки при рассмотрении отношений "Европа-Иран" на другие региональные государства, и особенно - на США и Россию.

Второе обстоятельство, с которым приходится считаться, это то, что само понятие "Европа" теряет однозначность понимания в нефтегазовых глобальных процессах в связи с "неоднородностью" самой Европы, в

том смысле, что европейские государства не одинаково вовлечены в эти процессы и не являются равносильными участниками и клиентами мирового нефтяного рынка. Европа в глобальных процессах, в первую очередь, представлена ее ведущими державами, список которых возглавляют Англия, Германия, Франция, Швеция, Италия. Это касается и отношений с Ираном. Исторически первенство здесь принадлежит Англии, и поэтому именно на ее примере можно показать, каким образом в конфликтные отношения Ирана и Англии вклинивалась неевропейская держава.

Два примера

Первый исторический пример относится ко временам второй мировой войны, когда Иран был оккупирован Англией (юг Ирана) и СССР (северо-запад страны). Факт оккупации позволил Ирану избежать вовлечения страны в сферу непосредственных военных действий. Но этим не ограничивались выгоды Ирана. В условиях оккупации в стране наблюдался заметный рост экономики и особенно производства нефти, потребности в которой возросли в ходе охватившей практически всю планету военных действий. Политические последствия оккупации дали себя знать и после завершения войны. Коммунистическая Москва в подконтрольных ей территориях способствовала усилению политических организаций левого толка, насаждая сепаратистские настроения в северо-западных районах страны, в которых проживали тюркоязычные азербайджанцы. Руководство СССР всячески поддерживало партию ТУДП, и она в эти годы стала серьезной силой на политической арене послевоенного Ирана. С другой стороны, Запад и, в первую очередь, Англия потребовали ликвидации ориентированной на СССР и поддерживаемой им политической организации. Понятно, что ТУДП была носителем идеологии и ценностей, не совместимых с проектами Европы (и всего Запада) на Переднем Востоке. Геополитические интересы Запада и СССР скрещивались во внутривнутриполитической жизни Ирана. Для Тегерана ТУДП представляла опасность потенциального раскола страны. Понятно, что эта политическая сила должна была быть подавлена. И эта задача была выполнена в довольно деликатных формах.

Второй пример относится к истории послевоенного Ирана, когда лидер Национального фронта и глава правительства Ирана Мохаммед Мосаддык принял решение национализировать нефтяную промышленность страны. Особенно тяжелым ударом это могло стать для Британии Петролеум. Обеспокоенность Англии была вполне понятна, так как акция Мосаддыка была нацелена на ее вытеснение из нефтяной промышленности Ирана. В Лондоне вынашивались планы вторжения в Иран. Казалось, США, как дружественная Англии страна, должны были поддержать ее в защите своих "законных прав" в регионе. Однако Вашингтон поступил иначе, решив воспользоваться конфликтом для усиления своих позиций. Была организована блокада экспорту на Запад иранской нефти. Прав-

тельство Мосаддыка оказалось перед финансовым крахом. Надежда на разрыв блокады появилась, когда итальянская нефтегазовая корпорация ЭНИ по обещала закупать иранскую нефть. Но эти надежды испарились, когда при невыясненных обстоятельствах глава ЭНИ Э. Маттеи погиб в автокатастрофе. Тем временем в ЦРУ под руководством Алена Даллеса была разработана операция "АЯКС", целью которой было свержение власти Мосаддыка. 19 августа 1953 года операция "АЯКС", которую непосредственно проводил агент ЦРУ Кермит Рузвельт, была осуществлена. Мосаддык был отстранен от власти и приговорен к смерти (правда, приговор не был приведен в исполнение; смерть была заменена ссылкой, где он и умер в 1967 году).

Эти два примера из истории Ирана двадцатого столетия показывают то важное значение, которое имеет Иран в мировых политических процессах для Европы и не только для нее. Второй пример особенно показателен в том плане, что даже страны, традиционно связанные общностью стратегических интересов, на "иранском ринге" могут стать соперниками и даже противниками. Эта тенденция особенно четко проявилась в конце минувшего века, когда в результате распада СССР сложилась новая расстановка сил на политической карте мира и качественно новые условия на мировом нефтегазовом рынке.

Новые штрихи в экономических и политических отношениях Европы и Ирана

На рубеже двух столетий ирано-европейские отношения оказались в качественно новых экономико-политических условиях. К главным факторам, определившим новизну ситуации, можно отнести:

а) распад СССР; б) расширение политических границ Европы, вовлечение стран Восточной Европы и Закавказья в сферу внедрения европейских ценностей; в) рост потребности нефти и газа как основных энергоносителей в мировом хозяйстве; г) ужесточение конкуренции между основными акторами мировой политики и экономики; д) усиление позиций США в регионе после того, как они обеспечили свое военно-политическое присутствие в Ираке и Афганистане; е) появление у Ирана новых возможностей на мировом политическом ринге особенно с учетом его мирной ядерной программы.

Эти факторы, как уже было сказано, не "работают" раздельно. Они сами взаимосвязаны и определяют общее политико-экономическое пространство совместно и во взаимодействии. Например, именно усиление конкуренции между основными акторами мировой политики на нефтегазовом рынке способствует появлению новых возможностей у Ирана для защиты своих интересов в мировых политических и экономических процессах.

Вряд ли можно сомневаться в том, что именно внутренняя положительная динамика развития может обеспечить перевод страны на рельсы передовых технологий, без которых немислимо подлинный политический и экономический суверенитет и достойное положение в мире.

О нефтегазовом потенциале Ирана

Нефтяная промышленность в Иране, как уже отмечено, берет начало с 1901 года, когда английский подданный Уильям д'Арси получил у шаха Ирана концессию на монопольную эксплуатацию нефтяных месторождений Ирана на 75% территории страны сроком на 60 лет. Первое промышленное месторождение было открыто в 1908 году в районе Персидского залива. Дата 25 мая 1908 года, когда из скважины №1 в Масджед-Сoleyман забил нефтяной фонтан, и считается днем рождения нефтяной промышленности Ирана. В учрежденной англо-персидской нефтяной компании, вскоре получившей название Бритиш Петролеум, львиная доля акций принадлежала правительству Великобритании. Производство нефти по сравнению с нынешними объемами было очень скромным, однако по тем временам мощь совместной компании была внушительна. После неудачной попытки национализации нефтяной промышленности, предпринятой Мосаддыком, шах Ирана в 1954 году подписал новый контракт, но уже с Международным нефтяным консорциумом, с участием нескольких компаний (американской, которой досталось 40% капитала, английской, с такой же долей, совместной англо-нидерландской, которой досталось 14% капитала, и, наконец, французской - с оставшимися 6% капитала). Иранская национальная нефтяная компания (НИНК), которая была создана в ходе неудавшейся попытки национализации, осталась номинальным собственником месторождений нефти. Вплоть до 1979 года, когда в Иране в результате Исламской революции был свергнут шах, консорциум оставался основным производителем нефти в стране, обеспечивая 90% всей добычи. Правда, до этого в 1973 году консорциум действовал на правах субарендатора, уступив контроль за добычей НИНК. После Исламской революции ранее заключенные соглашения были расторгнуты, и весь капитал перешел в распоряжение Иранской национальной нефтяной компании. Вся добыча нефти ныне находится в руках государства. Политические перепады привели к сокращению нефтедобычи. Однако вскоре прежние объемы производства были восстановлены, и уже в 1996 году Иран вошел в число крупнейших экспортеров нефти, занимая 4-е место по добыче нефти в мире. Ныне Иран располагает огромными нефтегазовыми ресурсами. Основные месторождения добычи нефти находятся на юго-западе страны, в остане Хузестан (Ага-Джари, Марун, Карадж, Парис). Крупнейшие экспортные терминалы построены на островах Персидского залива: Харг, Лаван, Сирри. Как считают эксперты, в ее недрах находится около 140 млрд. бар. подлежащей добыче сырой нефти. Каждый день Иран перерабатывает

более 1,7 млн. бар. нефти. Эти цифры особенно впечатляют, если учесть, что в 1908 году на месторождении Масджеде-Солейман за день добывали лишь 500 баррелей сырой нефти. В 2008 году этот показатель превысил отметку 4,2 млн. баррелей за сутки (источник: Агентство INFOLine).

По разведанным запасам нефти Иран занимает 4 место в мире и второе место по запасам нефти и газа. Суммарные запасы составляют 370 млрд. баррелей (50 млрд. т.). Подтвержденные запасы, по разным данным, колеблются от 96 до 100 млрд. баррелей (13-13,4 млрд. т.). Предполагается, что в 2010 году добыча газа в Иране будет доведена до 290 миллиард кубометров в год.

Исторические этапы “нефтяного диалога” Европы и Ирана

Отношения Ирана и Европы в течение XX столетия не отличались постоянством. Метаморфозы этих отношений все-таки поддаются объяснению. Начиная с 1908 года, когда забил первый фонтан, вплоть до второй мировой войны основным западным партнером в деле нефтедобычи была Англия, финансовые и технологические возможности которой сыграли решающую роль в становлении нефтяной отрасли Ирана. Не случайно в годы второй мировой именно английские войска участвовали в оккупации страны. Годы войны по понятным причинам выпадают из естественного хода развития ирано-европейских отношений. Но, все-таки, приходится учесть, что в годы оккупации Иран продвинулся в области нефтедобычи и технологической оснащенности отрасли. Война способствовала тому.

Английский вектор в европейских отношениях Ирана был главным вплоть до Мосаддыка, совершившего крутой поворот в экономических отношениях с Европой. После неудавшейся попытки национализации нефтяной отрасли и свержения Мосаддыка Англия теряет практически монопольное положение среди внешних партнеров Ирана. Свои позиции в Иране постепенно усиливают США, и уже в годы правления Мухаммада Реза-шаха Пехлеви именно они стали основным военно-политическим партнером Ирана, вытеснив на второй план европейские страны и, разумеется, Англию. Цель внешней политики шаха поддается четкой и лаконичной формулировке: с помощью США превратить Иран в региональную супердержаву, добиться экономического, военного и политического превосходства над всеми государствами региона. В первую очередь, именно через США шах стремился получить доступ к новейшим нефтехимическим технологиям. Европейские государства также участвовали в технической и технологической модернизации Ирана, но их роль, особенно если иметь в виду сферу международной политики, все же была скромной по сравнению с США. Прозападная ориентация Ирана, таким образом, была по сути проамериканской.

пирующим государством в регионе, другом и союзником самой мощной державы мира. Но за все это надо было платить. Иран в свою очередь должен был стать опорой политики США в регионе, послушным в региональных вопросах "младшим братом", готовым без обсуждения выполнить любую "просьбу" своего покровителя. Ирану отводилась роль своеобразного регионального жандарма на Ближнем и Среднем Востоке. С другой стороны, иранский рынок должен был быть открытым перед западными товарами. Это тоже входило в цену, которую шах платил за превращение страны в регионального военно-экономического лидера. Доступ к западным технологиям ознаменовал годы правления Реза-шаха Пехлеви как период своеобразной технологической *вестернизации*. Однако следует отметить, что военно-экономическое развитие страны сказалось положительно на благосостоянии населения страны, которое жило в нищете. Но даже не в этом была причина неуклонно растущего недовольства народа политикой Мухаммада Реза-шаха Пехлеви. *Вестернизация* вовлекла в свою орбиту не только экономику и внешнюю политику страны, но и сферу духовной культуры, тысячелетиями складывавшихся нравов, обычаев и традиций, вызвав недовольство верующих масс и шиитского духовенства. Это в конечном итоге и привело к Исламской революции и свержению шаха.

Исламская Революция резко изменила расстановку политических факторов внутри Ирана и отношение страны к внешним политическим силам, в особенности, к США и Европе. Соответственно изменилось и их отношение к Ирану. Эти трансформации происходили главным образом вокруг проблемы нефти, хотя немаловажное значение имели и идеологические соображения и факторы. Коренным образом были пересмотрены отношения к США, до революции являвшейся главным политическим партнером Ирана. Сама революция происходила под антизападными и в первую очередь, под антиамериканскими лозунгами. Существует мнение, что обращение к подчеркнутой антиамериканской риторике имело целью вызвать симпатии СССР — главного тогда оппонента США в мировой политике. Но дальнейшие события показали, что вожди Исламской революции были далеки от соображений понравиться кому бы то ни было. Достаточно перечислить первые внешнеполитические шаги ИРИ, чтобы убедиться в этом. Новая республика разорвала союзные отношения с США, аннулировав военные соглашения и заказы на покупку военной техники у своего недавнего патрона. Были ликвидированы военные базы США в Иране, а сам Иран вывел свои войска из Омана. Наконец, Иран вышел из военного блока СЕНТО, разорвав свои отношения с Израилем и Египтом. Ответы Вашингтона были жесткими. Американский Конгресс в августе 1996 года принял закон о санкциях в отношении Ирана и Ливии (так называемый закон Д'Амато). Закон предусматривал санкции против

1996 года принял закон о санкциях в отношении Ирана и Ливии (так называемый закон «Д'Амато»). Закон предусматривал санкции против компаний (в том числе иностранных), которые вложат в иранскую экономику больше 20 миллионов долларов.

Иран не отступил от выбранного курса. Внешнеполитический курс, разработанный лидерами революции, носил принципиальный характер в том, что касается достижения полной политической и экономической независимости и защиты национальной культуры и ценностей от разрушительных воздействий *вестернизации*. Поэтому понятно, что Исламская Революция означала новую историческую фазу во внешней политике Ирана, включая европейский вектор этой политики. Особенность этого этапа заключается в том, что Европа и Россия, усмотрев в Иране самостоятельного актора международной политики, сами стали налаживать свои «нефтяные отношения» с ним, проводя «свою политику» в отношении Ирана (насколько это было возможно в условиях давления США). Многие крупные иностранные компании все-таки пренебрегли санкциями США и, приняв участие на конкурентных началах в объявляемых Ираном международных тендерах, стали участниками нефтегазовых проектов Ирана. В их числе англо-голландская «Роял Датч Шедл», франко-бельгийская «Тоальфина-Эльф», малазийская «Петронас», итальянская «ЭНИ» и ее дочерняя компания «Аджин», а также несколько российских компаний во главе с «Газпромом».

Это показывает, что Запад не един в политике экономических санкций в отношении Ирана, как это было в 50-ые годы, когда Мосаддык предпринял попытку национализировать нефтяную промышленность страны. Это также показывает, что Европа и США имеют свои, отличающиеся друг от друга интересы в регионе. Жесткая риторика в адрес Ирана, к которой Европа прибегает в угоду США, не совсем соответствует реальным намерениям Европы, склонной вступить в выгодные для себя отношения с Ираном. Наконец, это показывает, что миф об однополярном мире далек от того, чтобы быть реальностью.

Литература

1. Arfriasiadi, Kaveh, L. (1994). After Khomeini (New York: West View Press)
2. Brumfiel, Elizabeth B., and John W. Fox (eds.) (1994). Functional Cooperation and Political Development in the New World (New York: Cambridge University Press)
3. Geva, N. And A. Mintz (eds.) (1997). Decision making on War and Peace: The Cognitive-Rational Debate (London: Lynne Rienner)
4. Meleki, Abbas (1989). «Iran's Foreign Policy: From Idealism to Realism», *Majallah siasat Khareji (The Journal of Foreign Policy)*, 10, pp. 348-78.
5. Bahgat, Gawdat; «Energy Partnership: Pacific Asia and the Middle East» *Middle East Economic Survey*; VOL. XLVIII, No33; August 15, 2005